

Идеология «неолиберального этатизма» в Армении

Дунамалян Н. А.

Аннотация

Постсоветские государства прошли разные пути институционального становления, однако большинство аналитических моделей описывают их трансформацию в привычных категориях: демократизация или авторитаризм, рыночные реформы или государственный капитализм, прозападная или пророссийская ориентация. Армянский случай плохо укладывается в эти рамки – и именно это делает его аналитически ценным.

Настоящая статья предлагает концептуальный инструмент для описания специфической идеологической конфигурации, сложившейся в Армении после «бархатной революции» 2018 года и окончательно оформившейся в период 2021–2026 гг. Эта конфигурация обозначается здесь как «неолиберальный этатизм» – парадоксальное сочетание институционально усиливающегося государства и его последовательной денационализации на уровне коллективного проекта. Иными словами, государство становится все более централизованным в административном смысле, но лишается признаков национального проекта.

Ключевые слова: неолиберальный этатизм, государственность, идеология «Реальной Армении», национальный проект.

The ideology of “neoliberal statism” in Armenia

Dunamalyan N. A.

Annotation

Post-Soviet states have followed different paths of institutional development; however, most analytical models describe their transformations within familiar categories: democratization or authoritarianism, market reforms or state capitalism, pro-Western or pro-Russian orientation. The Armenian case does not easily fit into these frameworks – and it is precisely this mismatch that makes it analytically valuable.

This article proposes a conceptual tool for describing the specific ideological configuration that emerged in Armenia after the 2018 “Velvet Revolution” and became fully consolidated during the period 2021–2026. This configuration is defined here as “neoliberal statism” – a paradoxical combination of an institutionally strengthening state and its consistent denationalization at the level of the collective project. In other words, the state becomes increasingly centralized in administrative terms while simultaneously losing the defining features of a national project.

Keywords: neoliberal statism, statehood, ideology of “Real Armenia”, national project.

«Նեոլիբերալ էտատիզմի» գաղափարախոսությունը Հայաստանում

Դունամալյան Ն. Ա.

Ստեղծագիր

Հետխորհրդային պետությունները ձևավորվել են տարբեր ինստիտուցիոնալ և քաղաքական ուղիներով, սակայն դրանց զարգացման տրամաբանությունը հաճախ մեկնաբանվում է ստանդարտ հակադրություններով՝ ժողովրդավարացում կամ ավտորիտարացում, շուկայի ազատականացում կամ պետական կապիտալիզմ, արևմտյան կամ ռուսական վեկտոր: Հայաստանի փորձը ամբողջությամբ չի տեղավորվում այս դասակարգումների մեջ, և հենց այդ յուրահատկությունն է այն դարձնում վերլուծական առումով կարևոր:

Սույն հոդվածը առաջարկում է հայեցակարգային շրջանակ՝ բացատրելու այն գաղափարական կառուցվածքը, որը ձևավորվել է Հայաստանում 2018 թ. «թավշյա հեղափոխությունից» հետո և առավել հստակ արտահայտություն ստացել 2021–2026 թթ.: Այդ կառուցվածքը բնորոշվում է որպես «նեոլիբերալ էտատիզմ»՝ միաժամանակ ուժեղացող և կենտրոնացվող պետություն, որը, սակայն, աստիճանաբար հեռանում է ազգային-պատմական համընդհանուր նախագծից: Այլ կերպ ասած՝ պետությունը վարչական և կառավարման իմաստով ամրապնդվում է, բայց կորցնում է իր ինքնության՝ որպես ազգային նախագծի կրողի, բովանդակային հիմքը:

Բանալի բառեր: նեոլիբերալ էտատիզմ, պետականություն, «Իրական Հայաստանի» գաղափարախոսություն, ազգային նախագիծ:

Идеология «неолиберального этатизма» в Армении

Классический этатизм: государство как носитель проекта современности

Исторически этатизм сформировался как доктрина объединения разрозненных сословий и групп вокруг государства и ознаменовал кризис феодализма, что привело к формированию сильных централизованных государств в конце XVII – начале XVIII веков. Ярким проявлением этатизма стала деятельность кардинала Ришелье, который подготовил основы гегемонии Франции в Европе, следуя принципу «*raison d'État*», абсолютизирующему роль централизованного государства.

На многих исторических примерах можно увидеть, что этатизм служит средством не столько расширения и осуществления власти, сколько борьбы с определенными сословиями (в основном с высшим) с точки зрения укрепления союза государства и лояльной части общества [2]. Кроме того, классический этатизм формировался в условиях высокого модерна и предполагал активную, проектную роль государства. Государство рассматривалось как носитель общего интереса, субъект исторического действия и инструмент социальной интеграции [3]. Не случайно принцип этатизма в качестве доктрины был зафиксирован в программе Народно-республиканской партии Турции в 1931 г., а затем и в конституции Турции по инициативе Кемаля Ататюрка, что продемонстрировало модернистскую сущность турецкой государственности, хотя здесь этатизм касался прежде всего вмешательства государства в экономику.

Несмотря на то, что в европейской традиции этатизм связывался с идеями суверенитета, социального государства и национального развития, доктрина постепенно начала ассоциироваться с авторитаризмом. Дело в том, что в XIX–XX вв. модель усиления государства сопровождалась расширением политики: мобилизацией, идеологическими конфликтами, борьбой за интерпретацию общего блага. При этом принципиальное отличие этатизма от авторитаризма заключалось в том, что он **не устранял общество из политики**, а, напротив, стремился структурировать его и интегрировать в государственный проект. Этатистская логика предполагала политизацию масс, а не их деполитизацию, формируя коллективные цели и исторические горизонты развития.

В армянском контексте именно данный аспект – структурирование общества вокруг государственного проекта – так и не был полноценно реализован. Государство формировалось в условиях институциональной слабости, фрагментированной социальной структуры и отсутствия устойчивого модернизационного консенсуса. «Уход» государства из многих сфер жизни в 1990-х и укоренение социальной несправедливости в 2000-х гг. привели к ограничению роли государства функциями администрирования и обеспечения безопасности [4].

Это создало предпосылки для хронического разрыва между государством и обществом, проявляющегося в форме повторяющихся политических кризисов,

делегитимации институтов и циклической смены элит без глубинной трансформации системы. Отсутствие устойчивого государственного проекта приводило к тому, что власть в РА либо опиралась на узкие коалиции интересов, либо стремилась компенсировать дефицит легитимности через символическую политику и мобилизационные всплески (на уровне общенациональных мероприятий).

Несмотря на множество моделей армянского этатизма, государство в постсоветский период оставалось сильным в административном смысле, но слабым в качестве носителя исторического проекта, что было связано как с отсутствием политической традиции, так и с разрывом между институциональным строительством и социальной интеграцией.

Армянская специфика: этатизм без государства

В отличие от классического этатизма XIX–XX вв., формировавшего государство как носителя коллективного проекта, армянская модель развивалась в условиях институциональной фрагментарности и прерывистой исторической памяти, поскольку многие аспекты национального самосознания сформировались в период отсутствия государственности [5]. В постсоветский период государственность не стала результатом длительного социального контракта между властью и обществом, а была выстроена преимущественно в административном и формально-юридическом измерении. Вместо формирования целостного государственного проекта предлагался ситуативный общенациональный консенсус вокруг отдельных вопросов (прежде всего признания геноцида и Арцахского вопроса). В этом контексте государство функционировало как инструмент достижения заданных целей, а не как субъект, интегрирующий память, национальную идентичность и политическое действие внутри Армении и в Диаспоре в единую логику развития. Складывалась обратная ситуация: приоритет отдавался сохранению в повестке многих проблем общенационального характера при игнорировании фактического развития связей внутри армянского общества, а само восприятие государства выстраивалось на ожидании грядущего идеального образа этого института, не имеющего ничего общего с политической реальностью.

В период независимости в Армении можно выделить несколько представлений о роли государства, которых придерживались разные политические элиты. Эти представления менялись со временем, однако их объединяло одно общее ограничение: государство так и не стало рассматриваться как самостоятельный политический субъект, способный формулировать долгосрочные цели развития.

В одних случаях государство понималось прежде всего как инструмент обеспечения безопасности и выживания в сложной внешней среде, а в других – как административный механизм управления ресурсами и контроля над элитами. Позднее усилилось представление о государстве как об институте, предоставляющем услуги, задача которого сводилась к эффективному администрированию и соблюдению процедур. Однако ни одна из этих моделей не предполагала активной роли государства в формировании общей политической миссии и вовлечении общества в коллективный проект.

Ограниченность представлений о государстве в период независимости не была исторической случайностью, а стала следствием специфической модели культурно-конфессиональной идентичности, проявившейся также в период армянского национально-освободительного движения. Армянская политическая мысль XIX – начала XX вв. **долгое время предпочитала автономию независимости**, рассматривая ее как более реалистичную форму коллективного выживания внутри империй [6].

Эта логика позволяет объяснить целый ряд, на первый взгляд, разрозненных исторических фактов: сотрудничество части армянских политических сил с младотурками в преддверии революции 1908 г.; относительную лояльность армянских элит проекту Закавказской федерации в 1918 г., а также крайнюю уязвимость армянского национального образования после ее распада [7]. В дальнейшем эта же установка воспроизводилась и в советский период: для значительной части армянской коммунистической элиты Закавказская СФСР представлялась более функциональной и логичной формой государственности, чем формально более самостоятельная, но институционально слабая Армянская ССР.

Национализм в армянском случае формировался не **как государственнический, а как экзистенциально-защитный**: его центральной задачей было физическое и культурное выживание народа в условиях отсутствия собственного политического центра и постоянной внешней угрозы. В этих условиях государство не могло стать объектом политического воображения – им становилось армянство в целом.

Различие между моделями национализма становится особенно наглядным при сравнительном анализе. Так, иной тип национального воображения демонстрирует израильский кейс, где национализм с самого начала носил государствоцентричный характер и рассматривал суверенитет как необходимое условие выживания. В контексте реализации программы сионизма государство стало ядром национального воображения [8], тогда как в армянском случае нация длительное время существовала вне государства, допуская автономию в составе более крупных политических образований как рациональную альтернативу независимости.

Именно поэтому с обретением независимости государство оказалось не результатом реализованного национального проекта, а побочным продуктом кризиса распада СССР, к которому армянская политическая элита была интеллектуально и институционально не подготовлена. Национализм, ориентированный на выживание, легко трансформировался в прагматизм управления: вместо государства как носителя смысла возникло государство как инструмент предотвращения катастрофы.

В этой логике отношение Левона Тер-Петросяна к государству носило последовательно прагматически-рационалистский характер. Государство рассматривалось им прежде всего как механизм обеспечения внутренней и внешней стабильности, управления конфликтами и сдерживания негативных сценариев. Такое понимание сознательно исключало государство из роли носителя исторического или национального проекта и сводило его функции к антикризисному управлению.

Примечательно, что представители правящей элиты 1990-х гг. имели различные подходы к государству. При этом только один из ее представителей – Вазген Саркисян

– интуитивно тяготел к этатистской модели, воспринимая государство прежде всего как структуру силы, мобилизации и коллективной дисциплины. Остальные (в частности, В. Сирадегян) видели в нем главным образом аппарат контроля и управления. Однако ни одна из этих интерпретаций так и не оформилась в целостный проект, способный выйти за рамки текущих задач выживания.

В последующий период, в правление второго президента Роберта Кочаряна, государство функционировало преимущественно как механизм стабилизации и поддержания элитного баланса. Кроме того, на фоне благоприятной международной ситуации Республика Армения стала выполнять скорее роль **координационного центра, согласующего интересы армянских элит в республике, Диаспоре и НКР**, но не субъекта стратегического проектирования.

Международный экономический кризис, рост конфронтации между РФ и Западом, а также внутривластная нестабильность (все эти процессы объединяет период с 2008 г.) продемонстрировали ограниченность государства в качестве антикризисного актора, что привело к переходу от относительной гармонии национализма и государствоцентризма к конфликтной модели между ними [9]. При правлении Сержа Саргсяна государство трансформировалось в управленческую систему с имитацией институциональности (в частности, вокруг роли Республиканской партии Армении), где формальные реформы не сопровождались переосмыслением самой роли государства и его связи с обществом. В этих условиях значительная часть населения выражала недоверие к государственным институтам через участие в акциях социального и гражданского протеста, фактически отождествляя власть с государством как таковым [10]. Иначе сложно представить, что общество во многом поддерживало антигосударственные элементы, апогеем чего стала поддержка захвата полка полиции в 2016 году. При этом важно подчеркнуть, что такие проявления не отражали однородную позицию всего общества, а лишь указывали на структурный дефицит доверия и слабую интеграцию граждан в проект государства [11].

В совокупности эти модели сформировали парадоксальную траекторию развития армянской государственности: при внешней административной устойчивости идея государственности оставалась концептуально пустой, лишенной ясного понимания собственного **исторического предназначения и долгосрочного проекта развития**. Классическая этатистская функция – **структурирование и интеграция общества вокруг государствоцентричного проекта** – практически не реализовывалась, что подчеркивает инструментальный и ограниченный характер армянской постсоветской государственности.

При этом было бы неверно утверждать, что в армянском политическом пространстве с самого начала отсутствовали альтернативные представления о государственности. Скорее, они существовали как артикулируемый оппозицией контрдискурс по отношению к доминирующей логике выживания и администрирования. В этом контексте показательна фигура Вазгена Манукяна, для которого Национальное движение конца 1980-х гг. мыслилось не только как форма мобилизации и сопротивления, но и как зачаток коллективного политического

проекта, требующего институционализации, ответственности и включения общества в процесс государственного строительства [12]. Однако наличие подобных идей не означало их практической реализуемости. Этатистское понимание государства в армянском случае столкнулось с совокупностью структурных ограничений: отсутствием сформированного общественного запроса на государство как носителя коллективной миссии, доминированием логики выживания и кризисного управления, а также слабостью институциональных механизмов. В результате этатистский дискурс остался преимущественно в интеллектуальном поле, **что указывает не на дефицит идей, а на структурное несоответствие между этатистским проектом и социально-политической реальностью постсоветской Армении.**

Можно также упомянуть проект «Нация-армия», который после 2016 г. стал ответом на возникший вследствие итогов Апрельской войны в Нагорном Карабахе внутривнутриполитический кризис. Новая концепция, наравне с программой модернизации ВС РА и реформами правительства в разных сферах, могла бы стать альтернативой для понимания роли государства для армянского общества, однако революционные события 2018 г. прервали этот процесс.

Имитация государственности и ее кризис

Кроме структурного несоответствия между «общенациональными» амбициями и реальными возможностями государства и общества в Армении и Арцахе в постсоветский период сложилась более глубокая и менее артикулированная проблема – кризис восприятия самой государственности. Речь идет не столько о дефиците институтов или ресурсов, сколько об отсутствии собственного образа государства в общественном и политическом сознании. Армянская государственность осмыслялась преимущественно через чужеродные, заимствованные модели, не укорененные в локальном историческом и социокультурном опыте.

В армянском общественном дискурсе можно выделить две доминирующие оптики восприятия государства. Первая связана с имперским наследием – как советским, так и дореволюционным российским. Государство в этом контексте мыслится как крупный, иерархически организованный субъект, обладающий значительными ресурсами, контролирующей территорию, экономику и безопасность, но при этом находящийся над обществом. Такая модель предполагает патернализм, ожидание распределения благ и внешней защиты [13], но плохо соотносится с реальными возможностями малой постсоветской республики, ограниченной демографически, экономически и геополитически. В результате возникает диссонанс: государству приписываются функции и способности, которыми оно объективно не располагает.

Вторая оптика формируется под влиянием либерально-демократического универсализма эпохи «конца истории». В этом случае государство понимается прежде всего как нейтральный арбитр, обслуживающий права и свободы индивида, минимизирующий собственное вмешательство и стремящийся встроиться в глобальные институциональные и нормативные рамки. Однако подобное представление также оказывается плохо адаптированным для структурно уязвимого общества в условиях

региональной напряженности. Заимствование данной модели не сопровождалось формированием соответствующих социальных, экономических и культурных предпосылок, что привело к имитации институтов без их реального наполнения.

Ни одна из этих оптик не выросла из опыта армянской политической субъектности, исторической памяти, длительного отсутствия государственности и специфического опыта выживания в условиях постоянной внешней угрозы [14]. В результате армянская государственность оказывается лишенной собственных «свойств»: она существует как проекция чужих моделей, между которыми общество и элиты вынуждены постоянно маневрировать.

Таким образом, проблема армянской государственности заключается не только в дефиците суверенитета или управленческой эффективности, но и в кризисе символического и концептуального самоопределения. Государство существует, но не осмыслено как особая форма армянской политической жизни. Оно либо сводится к техническому менеджменту, либо нагружается несоразмерными историческими и геополитическими ожиданиями.

Именно в этом вакууме становится возможным движение к тому, что далее будет обозначено как *«неолиберальный этатизм»*: формально сильное, но концептуально обезличенное государство, сочетающее риторику суверенитета с практиками денационализации политики. Понимание этой исходной проблемы является ключевым для анализа трансформации армянской политической идеологии после 2018 г. и для осмысления проекта «Реальной Армении» как попытки – осознанной или нет – заполнить данный концептуальный разрыв.

На пути к «неолиберальному этатизму»: колонизация государства публичной сферой

Классическая концепция публичной сферы у Ю. Хабермаса описывает ее как пространство относительной автономии – между государством и рынком, где формируется рационально-критическое общественное мнение, способное ограничивать власть, но не подменять ее [15]. В армянском случае после 2018 г. наблюдается инверсия этой модели: публичная сфера не дистанцируется от государства, а стремится непосредственно его занять, превратившись из посредника в носителя суверенного мандата. Как следствие, государство оказывается не автономным институтом с собственной логикой воспроизводства, а прозрачным контуром, внутри которого начинают доминировать эмоциональные, моральные и ситуативные импульсы общественного уровня. Этому способствовало «поглощение» государства гражданским обществом [16], поскольку многие гражданские активисты после смены власти в 2018 г. вошли в политику, а новое руководство продолжило вести себя как оппозиция, применяя популистские методы борьбы с размытым образом *«бывших»* элит [17].

В этом контексте можно также упомянуть идею К. Шмитта о государстве как суверене, принимающем решение в исключительной ситуации и берущем на себя ответственность за политическое целое. Согласно этой идее, **суверенитет предполагает способность выйти за пределы процедурной логики и**

зафиксировать границу допустимого [18]. Поражение в 44-дневной войне 2020 г. привело именно к кризису такой «суверенности». В армянском случае исключительная ситуация 2020 г. продемонстрировала разрыв между формальной государственной властью и способностью к суверенному решению как акту ответственности. Решение было принято в условиях принуждения и военно-политической асимметрии, однако последующая логика политического оправдания сместила акцент с ответственности за выбор на апелляцию к объективным обстоятельствам. Тем самым поражение было интерпретировано не как момент суверенного решения, а как следствие внешней необходимости, что дополнительно ослабило представление о государстве как субъекте, способном определять границы политического.

В этих условиях **общественные настроения** начинают выполнять функцию **заменителя политики**. Они воспринимаются как непосредственное выражение «воли общества», однако лишены структурной глубины и временного горизонта. Настроение относится к настоящему: оно фиксирует эмоциональную реакцию на событие, а не осмысляет его в логике будущего. Когда именно настроения становятся главным ориентиром для государства, политика утрачивает способность к проектированию и сводится к управлению реакциями. Во многом описанная конфигурация проявилась в событиях 2021–2026 гг., когда связь «государство-общество» строилась не только через следование доминирующим настроениям, но и через активное участие государственных институтов в их формировании и калибровке. Государственная коммуникация становилась не отражением общественной воли, а инструментом ее предварительного структурирования.

Особенность армянского случая заключается в том, что общественные настроения формируются в условиях фрагментированного общества, травматического опыта и низкого институционального доверия. Государство ориентируется не на артикулированную коллективную волю, а на совокупность противоречивых ожиданий, страхов и моральных импульсов. Это делает практически невозможным формирование устойчивой стратегии, поскольку любое долгосрочное решение неизбежно вступает в конфликт с частью доминирующих настроений.

Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о демократическом влиянии общества на государство, а о более глубокой трансформации: **общественные настроения начинают выполнять функцию суррогата национального интереса**. Они не дополняют стратегическое мышление, а замещают его, становясь главным критерием политической допустимости. Государство сохраняет формальную субъектность, но теряет способность к стратегическому воображению, подменяя его управлением восприятием и эмоциональной стабилизацией общества.

О роли государства после «бархатной революции»

Появление того, что условно можно обозначить как «неолиберальный этатизм», стало не результатом сознательного идеологического выбора, а следствием структурной адаптации армянской политической системы к состоянию хронической уязвимости. Уже в первые годы после 2018 г. стали просматриваться практические контуры этой

трансформации. Государство стремилось продемонстрировать эффективность через публичную отчетность и конкретные, измеримые показатели – будь то формат «100 фактов о новой Армении», представленный премьер-министром РА в 2019 г., или серия точечных социально-экономических инициатив [19]. Однако за этой демонстрацией достижений не просматривалась цельная стратегия институционального развития. Речь шла скорее о накоплении отдельных управленческих решений, чем о формировании долгосрочного проекта.

До 2020 г. неолиберальный подход проявлялся, в первую очередь, в экономической сфере. Введение плоской шкалы подоходного налога, поддержка отдельных отраслей экономики (ИТ-сфера, легкая промышленность, сельскохозяйственные инициативы), стимулирование инвестиционной активности подавались как элементы модернизации, однако по своей структуре они свидетельствовали о смещении ответственности от государства к индивидуальным экономическим агентам и гражданам. В дальнейшей публичной риторике подчеркивалась необходимость «реалистичного» подхода и учета геополитических, ресурсных и институциональных ограничений. Одновременно с этим пандемия COVID-19, войны и поток беженцев в Армению в 2020–2023 гг. создали необходимость постоянных социальных выплат, что во многом меняло суть неолиберальной экономической политики. Однако основным источником социальных выплат стали внешние займы (с 2019 по 2025 г. госдолг вырос с \$7,3 млрд до \$14,5 млрд. [20]), что стало результатом принципиального решения правительства РА не менять структуру экономики через прогрессивное налогообложение или поддержку экспорта, а применять **временные антикризисные меры**. Как следствие, неолиберальная логика реформ осталась прежней.

После 2022 г. произошел сдвиг к политическому неолиберализму в рамках «денационализации» государства, что было выражено в идеологии «Реальной Армении» и попытках ремифологизации политического дискурса. С другой стороны, проблема сохранения власти и внешнее давление настроили власти на борьбу с протестными группами – будь то оппозиция, церковь или отдельные индивиды – с точки зрения восстановления предыдущего порядка и создания условий для воспроизводства [21]. В результате возникла ограниченная гибридная модель управления, где «этатизм» правящих кругов свелся к работе государства с потенциальным электоратом, объединенным не столько общими интересами, сколько общим настроением по ряду тем. Кроме того, в отличие от классического этатизма, в котором государство выступало субъектом преобразования общества, новая модель исходит из противоположной логики: и общество, и государство рассматриваются как объекты управления в рамках заданных внешних и внутренних ограничений. Суверенитет перестает пониматься как способность формулировать и навязывать собственную волю и интерпретируется как умение адаптироваться к «объективным условиям».

Эта трансформация особенно заметна в коммуникационной политике. В публичных выступлениях акцент делается не на мобилизации или исторической миссии, а на прагматизме, рациональности и неизбежности принятых решений. Политический дискурс постепенно деполитизируется: вместо идеологических ориентиров доминирует язык управления рисками.

В результате формируется двойственная конфигурация. С одной стороны, государство институционально усиливается: оно концентрирует в своих руках принятие ключевых решений, определяет границы допустимого и задает рамки публичного обсуждения, а публичность перестает быть пространством давления на власть и все чаще становится инструментом ее легитимации. С другой стороны, усиливаясь административно, государство теряет содержательное измерение. Государство не мобилизует общество, а управляет его фрагментацией (иногда способствуя его расколу), балансируя между требованиями безопасности, экономической рациональности, международной легитимности и внутренней стабильности.

Именно здесь возникает парадокс неолиберального этатизма: *при формальном усилении роли государства в административном и политическом смысле происходит его денационализация на уровне коллективного проекта.*

Концепция «Реальной Армении»: идеология отказа от проекта

Вершиной неолиберального этатизма стала идеология «Реальной Армении» [22], выраженная в политическом дискурсе после 2021 г. и персонализированная в фигуре премьер-министра Армении Н. Пашиняна. Проблема заключается в том, что проект, направленный на формирование гражданско-государственной идентичности, фактически нарушает связь между прошлым, настоящим и будущим армянской государственности.

В логике «Реальной Армении» реальность выступает не как **объект политического преобразования**, а как **предел возможного**. Политика перестает мыслиться как пространство выбора между альтернативами будущего и сводится до необходимости корректного соотнесения желаемого с допустимым [23]. Тем самым устраняется сама проектность как ядро политического действия (как во внутренней, так и во внешней политике): государство больше не формулирует цели, а лишь фиксирует ограничения и адаптирует общество к их принятию.

Идеологически это оформляется через противопоставление «реальной» и «исторической» Армении. Под «исторической» понимается совокупность прежних национальных нарративов, символических ожиданий и исторических притязаний, которые объявляются либо утопическими, либо опасными. «Реальная Армения», напротив, описывается как пространство трезвого расчета, прагматизма и отказа от «иллюзий». Однако данное противопоставление носит не аналитический, а нормативный характер: **оно не открывает дискуссию о целях развития, а закрывает ее**, объявляя любые альтернативные представления о будущем проявлением безответственности.

В этом смысле проект «Реальной Армении» выполняет функцию идеологии деполитизации и денационализации. Присутствие альтернативной точки зрения на развитие государства интерпретируется не как конкуренция проектов, а как отказ признать «объективную реальность». Тем самым государство – и отождествляющаяся с ним власть – присваивает себе монополию не только на принятие решений, но и на определение границ допустимого мышления о государственности.

Ключевым элементом данной идеологии становится **переосмысление суверенитета**. В рамках «Реальной Армении» суверенитет перестает пониматься как

способность навязывать собственную волю или формировать автономную стратегию. Он трактуется как ответственность за минимизацию рисков и предотвращение катастрофических сценариев. Суверенное решение – это не решение в пользу собственного проекта, а решение, максимально согласованное с внешними ограничениями и внутренними ресурсами. Таким образом, суверенитет трансформируется из категории политического действия в категорию соразмерности возможностям.

Это приводит к глубокой трансформации национализма. Если ранее армянский национализм, даже в своей защитной форме, предполагал наличие коллективного субъекта и исторического горизонта, то в логике «Реальной Армении» он подвергается радикальной редукции. Нация перестает мыслиться как исторический актор и все чаще рассматривается как совокупность индивидов, чьей основной задачей является личное выживание и адаптация к изменяющимся условиям.

Государство в этой конфигурации сохраняет и даже усиливает свою институциональную и административную роль, но окончательно утрачивает символическую функцию. Оно не интегрирует общество вокруг общего будущего, а управляет процессом отказа от него. Неолиберальный этатизм в данном случае проявляется в том, что государство остается сильным регулятором, но сознательно отказывается от роли источника смысла. Политическая лояльность достигается не через **вовлеченность в проект**, а через **признание неизбежности** предлагаемых решений.

Как следствие, проект «Реальной Армении» оказывается не ответом на кризис армянской государственности, а его институционализацией. Он фиксирует постпроектное состояние как норму и переводит временную логику выживания в устойчивую идеологическую форму. Государство окончательно перестает быть пространством коллективного воображения и превращается в механизм управления ограничениями, где политика сводится к выбору наименее травматичного сценария из заранее заданного набора.

Тем самым «Реальная Армения» завершает трансформацию армянского этатизма: от несформированного государства – к государству без миссии; от национализма выживания – к ограниченному и примитивному национализму; от политики как борьбы за будущее – к администрированию и управлению рисками.

Заключение

Термин «неолиберальный этатизм» позволяет по-новому взглянуть на трансформацию армянской государственности, показывая, что традиционное противостояние между государствоцентричным и либеральным подходами в армянском обществе оказывается скорее условным, чем реальным. Он не сводится к простому описанию популистской практики или спонтанных действий власти, а выявляет структурные и идеологические изменения, определяющие роль государства, национализма и общественного влияния. С другой стороны, анализ отношения к государственности и ее историческому значению остается ключевым индикатором готовности армянского общества реагировать на вызовы будущего, а также демонстрирует глубину институциональной и культурной трансформации после 2018 г.

Нынешняя конфигурация располагает к двум наиболее вероятным траекториям развития политического проекта Армении:

1. *Инерционная* – неолиберальный этатизм воспроизводится как управленческая норма, государство продолжает функционировать как механизм антикризисного администрирования, а общество постепенно адаптируется к «постпроектному» состоянию. Эта траектория стабильна, но стратегически бесперспективна: она не предполагает ни укрепления суверенитета, ни выхода из демографического и геополитического тупика;

2. *Трансформационная* – накопление структурных противоречий (между административным усилением государства и его символической пустотой, между внешними требованиями и внутренними ожиданиями) создает условия для нового политического запроса – на государство как субъект, а не только как инструмент. Реализация этого сценария потребует не только политической воли, но и интеллектуальной работы общественных и политических элит по переосмыслению самого понятия современной армянской государственности.

Ссылки

- [1] Кандидат политических наук, доцент, автор более 30 научных работ и статей.
- [2] Кикоть В. И. Исторические аспекты формирования этатистской теории государства // *Экономика строительства и природопользования*. 2019. №4 (73).
<https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-etatistskoy-teorii-gosudarstva> (дата обращения: 01.03.2026).
- [3] Скотт Дж. 2005. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: *Университетская книга*.
- [4] Погосян Г. А. 2005. Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: *Academia*. 324 с.
- [5] Дунамалян Н. А. Проблема становления государственно-гражданской идентичности в Армении: между этническим и национальным // *АРВАК – армянский аналитический центр*.
<https://arvak.am/ru/гражданска-идентичность-в-РА/> (дата обращения: 05.03.2026).
- [6] Չարսրյան Ս. (2022). Ազգային-մշակութային ինքնօրինության տեսությունը XX դարասկզբի հայ սոցիալ-փիլիսոփայական մտքում. *Բանբեր Երևանի համալսարանի*. Փիլիսոփայություն, Հոգեբանություն, 13(2(38), 3-17.:
<https://doi.org/10.46991/BYSU:E/2022.13.2.003> (дата обращения: 05.03.2026):
- [7] Suny, R. G. (1993). Looking toward Ararat: Armenia in modern history. *Indiana University Press*.
<https://archive.org/details/lookingtowardara00rona> (дата обращения: 05.03.2026).
- [8] Усова Е. Ю. Национальная идея государства Израиль / *Полития*. № 2, 2004, С. 129-148.
<http://politeia.ru/files/articles/rus/2004-2-129-148.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).
- [9] Aberg, J. H.S., Terzyan A. “Structure or Agency? Explaining Armenia’s Foreign Policy Evolution”. *Eastern Journal of European Studies* 9 (2018): 151–172.
- [10] Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. – *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 53-72.,
<https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (дата обращения: 05.03.2026).
- [11] Фомин И. В., Силаев Н. Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и

- коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”. – *Полис. Политические исследования*. 2018. № 3. С. 78-92., <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06> (дата обращения: 05.03.2026).
- [12] Մանուկյան Վ. Հայկական երազանքը գոյատևելման փակուղում. երույթների և հողվածների ժողովածու. 408 էջ., <https://vazgenmanukyan.am/wp-content/uploads/2021/12/Armenian-Dream-in-the-Deadlock-of-Survival.pdf> (дата обращения: 05.03.2026):
- [13] Космачев М. В. Армения: нациостроительство, имперские практики и этнонационализм как способы выживания // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2015. №3. С. 86-97. doi:10.22363/2313-1438-2015-3-86-97. (дата обращения: 05.03.2026).
- [14] Микаелян Г. Трудности постсоветского транзита Армении: разрыв ожиданий с реальностью, экономический спад и теневая экономика / *Postсоветское: дискурсы и практики: сборник статей*. – Ер.: *Фонд Конрада Аденауэра; армянский центр гуманитарных исследований*, 2019. С. 171-196., https://archumanities.am/backend/storage/articles/pdf/Post-Soviet_Discourses_Practices.pdf (дата обращения: 05.03.2026).
- [15] Юдин Г. Б. (2017). Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016). *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 1(1), 123-133., <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133> (дата обращения: 05.03.2026).
- [16] Ishkanian A. 2018. After the Velvet Revolution: Shifting Space for Civil Society in Armenia. – From Shrinking Space to Post-Revolutionary Space: Reimagining the Role and Relations of Civil Society in Armenia.
- [17] Galstyan, N. S., & Sukiasyan, N. (2026). Polarization, and party politics in post-revolutionary and post-war Armenia. *Policy Studies*, 1–23. <https://doi.org/10.1080/01442872.2026.2613513> (дата обращения: 05.03.2026).
- [18] Шмитт, К. Государство: Право и политика. М.: *Издательский дом «Территория будущего»*, 2013 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 448 с.
- [19] Дунамяян Н. А. «Неолиберальный поворот». Пашинян меняет экономическую стратегию Армении / *Eurasia.expert*, <https://eurasia.expert/pashinyan-menyaet-ekonomicheskuyu-strategiyu/> (дата обращения: 05.03.2026).
- [20] Հայաստանի պետական պարտքը 2025-ի վերջի դրությամբ 14.5 միլիարդ դոլար է / *Hetq.am*, <https://hetq.am/hy/article/179308> (дата обращения: 05.03.2026):
- [21] Белов М. Вернуть государство // *Социологическое обозрение*. 2021. №3. <https://cyberleninka.ru/article/n/vernut-gosudarstvo> (дата обращения: 05.03.2026).
- [22] Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу. (19.02.2025) / *primeminister.am*, <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/> (дата обращения: 05.03.2026).
- [23] Ոսկանյան Ա. Ռազմական պարտություն, թե՛ հասարակության համատարած ճգնաժամ // 44. Պարտություն: 2020-ի Արցախյան պատերազմը՝ իրողություններ և հետևություններ.- Եր.: *Հովանիխտար հետազոտությունների հայկական կենտրոն*, 2025. էջեր 88-100, <https://archumanities.am/backend/storage/books/January2025/m7kVyHeqWpFoj7dT376G.pdf> (дата обращения: 05.03.2026):

Источники и литература

1. Белов М. Вернуть государство // *Социологическое обозрение*. 2021. №3.

- <https://cyberleninka.ru/article/n/vernut-gosudarstvo>
2. Дунамалян Н. А. «Неолиберальный поворот». Пашинян меняет экономическую стратегию Армении / Eurasia.expert. <https://eurasia.expert/pashinyan-menyaet-ekonomicheskuyu-strategiyu/>
 3. Дунамалян Н. А. Проблема становления государственно-гражданской идентичности в Армении: между этническим и национальным // АРВАК – армянский аналитический центр. <https://arvak.am/ru/гражданска-идентичность-в-РА/>
 4. Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу (19.02.2025)/primeminister.am. <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/>
 5. Кикоть В. И. Исторические аспекты формирования этатистской теории государства // Экономика строительства и природопользования. 2019. №4 (73). <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-etatistskoy-teorii-gosudarstva>
 6. Космачев М. В. Армения: нациостроительство, имперские практики и этнонационализм как способы выживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. №3. С. 86-97. doi: 10.22363/2313-1438-2015-3-86-97.
 7. Микаелян Г. Трудности постсоветского транзита Армении: разрыв ожиданий с реальностью, экономический спад и теневая экономика / Postсоветское: дискурсы и практики: сборник статей.– Ер.: Фонд Конрада Аденауэра; армянский центр гуманитарных исследований, 2019. С. 171-196. https://archumanities.am/backend/storage/articles/pdf/Post-Soviet_Discourses_Practices.pdf
 8. Погосян Г.А. 2005. Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: Academia. 324 с.
 9. Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 53-72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>
 10. Скотт Дж. 2005. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.
 11. Усова Е. Ю. Национальная идея государства Израиль / Полития. № 2, 2004, С. 129-148. <http://politeia.ru/files/articles/rus/2004-2-129-148.pdf>
 12. Фомин И. В., Силаев Н. Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”. – Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 78-92. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06>
 13. Шмитт, К. Государство: Право и политика. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 448 с.
 14. Юдин Г. Б. (2017). Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016). Philosophy Journal of the Higher School of Economics, 1(1), 123-133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133>
 15. Aberg, J. H.S., Terzyan A. “Structure or Agency? Explaining Armenia’s Foreign Policy Evolution.” Eastern Journal of European Studies 9 (2018): 151–172.
 16. Galstyan, N. S., & Sukiasyan, N. (2026). Polarization, and party politics in post-revolutionary and post-war Armenia. Policy Studies, 1–23. <https://doi.org/10.1080/01442872.2026.2613513>
 17. Ishkanian A. 2018. After the Velvet Revolution: Shifting Space for Civil Society in Armenia. – From Shrinking Space to Post-Revolutionary Space: Reimagining the Role and Relations of Civil Society in Armenia.

18. Suny, R. G. (1993). Looking toward Ararat: Armenia in modern history. Indiana University Press.
<https://archive.org/details/lookingtowardara00rona>
19. Չաքարյան Ս. (2022). Ազգային-մշակութային ինքնօրինության տեսությունը XX դարասկզբի հայ սոցիալ-փիլիսոփայական մտքում. Բանբեր Երևանի համալսարանի. Փիլիսոփայություն, Հոգեբանություն, 13(2 (38), 3-17.
<https://doi.org/10.46991/BYSU:E/2022.13.2.003>
20. Հայաստանի պետական պարտքը 2025-ի վերջի դրությամբ 14.5 միլիարդ դոլար է / Hetq.am.
<https://hetq.am/hy/article/179308>
21. Մանուկյան Վ. Հայկական երազանքը գոյատևվման փակուղում. ելույթների և հոդվածների ժողովածու. 408 էջ.
<https://vazgenmanukyan.am/wp-content/uploads/2021/12/Armenian-Dream-in-the-Deadlock-of-Survival.pdf>
22. Ոսկանյան Ա. Ռազմական պարտություն, թե՛ հասարակության համատարած ճգնաժամ // 44. ՊԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆ: 2020-ի Արցախյան պատերազմը՝ իրողություններ և հետևություններ.- Եր.: Հումանիտար հետազոտությունների հայկական կենտրոն, 2025. էջեր 88-100,
<https://archumanities.am/backend/storage/books/January2025/m7kVyHeqWpFoJ7dT376G.pdf>